

Люди старшего поколения, возможно, помнят рассказ Марка Твена «Режьте, братцы, режьте!», который нередко можно было услышать в пятидесятые – шестидесятые годы прошлого, XX века по Всесоюзному радио в исполнении замечательного мастера художественного слова Эммануила Исааковича Каминки.

Сюжет рассказа достаточно незатейлив: Марку Твену попался на глаза дурацкий стишок про кондуктора с припевом:

Режьте, братцы, режьте, режьте осторожно.

Режьте, чтобы видел пассажир дорожный.

Этот стишок оказался столь навязчив, что Твен не только не мог избавиться от него сам, но и заморочил стишком голову своим друзьям.

(Хочу заметить, что к похожим произведениям можно отнести рассказ «Жасминный домик» знаменитого английского писателя и драматурга, автора «Дживса и Вустера» сэра Пелама Вудхауза).

Многим из вас, наверняка, знакомо состояние, когда назойливая песенка или стихотворная строка «застревает» в вашей голове, вплетается в ваши мысли и крутится снова и снова, и избавиться от нее практически невозможно. Феномен «прилипчивой песни», который называют «синдромом застрявшей песни», «прилипчивой музыкой» или наиболее распространенным термином «ушной червь» (англ. «Earworm»), очень распространен, и является предметом изучения психологов.

Нечто подобное произошло со стихотворной строкой время от времени возникавшей, и неотвязно крутившейся в моей голове:

Эту книгу мне когда-то

В коридоре Госиздата

Подарил один поэт...

Почему-то мне казалось, что данное стихотворение принадлежит перу главного консультанта и идеолога легендарного журнала «Чиж» Самуила Яковлевича Маршака, а книга была подарена одним из участников литературной группы ОБЭРИУ: Николаем Олейниковым, Даниилом Хармсом, Александром Введенским, Николаем Заболоцким. «Перелопатил» собрание сочинений Маршака в 8-и томах, изданное в начале 70-х годов и, увы, ничего не нашёл.

Ироничный читатель усмехнётся: тоже мне, «бином Ньютона!» – найти стихотворение, но, прошу не забывать, что это было в то время, когда в литературе господствовала цензура, у меня в голове крутятся всего три строчки, а Интернета нет и в помине.

К сожалению, в кругу моих знакомых настоящих знатоков русской поэзии не оказалось. Можно было бы обратиться к старинному другу нашей семьи Владимиру Абрамовичу Гальперину – «ифлийцу», профессору, заведующему кафедрой искусствоведения Театрального училища имени Б.В. Щукина, но, как писал великий поэт: «Иных уж нет; а те далече...». В конце 80-х годов Владимир Абрамович с семьёй сына переехал в США (Сан-Диего), где он вёл свою литературную страницу на Русском Радио в Америке. Не будешь же, позвонив по телефону в Америку, выяснять, кому принадлежат строки: «Эту книгу мне когда-то...», а написать письмо не догадался.

К счастью, в конце 90-х годов Интернет в России дошёл до массового пользователя. В один из дней «набываю» в поисковой строке застрявшие в голове строки и, о чудо, на экране появляется:

АрсенийТарковский

Жил на свете рыцарь бедный... А.С. Пушкин

*Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.
Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.*

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.
Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.
Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!
Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.
Так и надо жить поэту.
Я и сам спую по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.
Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.
Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.
1963г.

Хотелось закричать подобно Александру Сергеевичу: «Ай, да Интернет, ай да сукин сын!»

Несколько раз перечитал стихотворение и понял, что не зря первые три строки меня «зацепили», настолько необычны были и стихотворная форма и содержание текста.

Фамилия Тарковский была, что называется, на слуху, но, правда, больше благодаря сыну поэта, знаменитому кинорежиссёру Андрею Тарковскому.

Что касается Поэта, то, поскольку «Алмазный мой венец» к этому моменту времени был прочитан, и все персонажи расшифрованы, то «вычислить» Осипа Эмильевича Мандельштама особого труда не представляло, да и Интернет подсказал, выдав в качестве бонуса фотографию поэта.

Открываю том «Строфы века. Антология русской поэзии», составленный Евгением Александровичем Евтушенко и читаю краткую биографию поэта Арсения Александровича Тарковского: *«Родился в Елисаветграде. Гражданскую войну увидел детскими глазами, оказавшись внутри ее кровавого вихря. Вспоминал, что когда-то по голове его погладила сама атаманиша Маруся. Путь к признанию был мучителен, извилист. В 1925-1929 годах учился на Высших литературных курсах. Но с 1932 года занимался главным образом переводами классической поэзии Востока. Первый собственный сборник вышел лишь в 1962-м ("Перед снегом"). Это был триумф в московских интеллектуальных кругах. Высокая поэтическая культура Тарковского была несомненна. Поддержал многих молодых поэтов своим добрым напутствием. Рядом с его могилой в Переделкине оставлено место для возвращения праха его сына – кинорежиссера Андрея Тарковского, похороненного в Париже. В его знаменитый фильм "Зеркало" включены стихи отца».*

Поинтересовался, а что же пишут литературные критики по поводу данного стихотворения?

Статья в журнале «Литературное обозрение» за 1990 год, написанная в духе советского кондового мировоззрения, – *«Поэт заплатил дорогой ценой(!) за каждую свою строку: каждая из них вынашивалась годами и так же медленно, ощупью искала свой путь к читателю»*, кроме общеизвестных, избитых истин ничего нового к творчеству Тарковского не добавила. О стихотворении «Поэт» там вообще ни слова.

К слову сказать, современное литературоведение на среднего, рядового читателя, интересующегося поэзией, явно не ориентировано. Возьмём, к примеру, статью Артёма Скворцова: *«“Поэт” Арсения Тарковского: от реального – к идеальному»*, опубликованную в журнале «Вопросы литературы». Честно признаюсь, что специфические выражения, такие как «перифрастический», «филологическая рецепция» или «автометаописание» мало способствуют пониманию текста статьи, но

это обстоятельство честно отношу на счёт собственного филологического невежества. Настоящая же беда ожидает читателя, когда автор начинает рассматривать стихотворение «с точки зрения сюжетно-композиционного уровня, попутно затрагивая вопросы жанровой генетики». Да Бог с ними, с этими статьями. Исследователи творчества Мандельштама и Тарковского, как и их предшественники, до сих пор ломают копыя, пытаясь выяснить, — достоверны ли строки:

*Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.*

Но какое это имеет значение, если в этих словах в полной мере выражен характер единственного в своём роде поэта.

Для других литературных критиков самой большой загадкой является вопрос: дарил ли, в действительности, Мандельштам свою книгу стихов Тарковскому, и, если да, то какую?

По воспоминаниям И. Лиснянской, Тарковский в одном разговоре с нею высказался против отношения к стихам как источникам фактов:

«Мандельштама я видел всего однажды, в полуподвальной квартире у Рюрика Ивнева. Мы пришли вместе с Кадиком Штейнбергом. Помню, там был и Мариенгоф. Я боготворил Осипа Эмильевича, но, и стыдясь, все-таки отважился прочесть свои стихи. Как же он меня раздраконил, вообразил, что я ему подражаю.

— Почему только однажды? Вы же Мандельштама и в Госиздате видели, никто лучше вас о нем не написал:

«Эту книгу мне когда-то...».

Тарковский мою декламацию пресек:

— Инна, прекратите. Жизнь и стихи далеко не одно и то же. Пора бы вам это усвоить в пользу вашему же сочинительству».

Таким образом, выходит, что абсолютизировать правдоподобие мемуарности «Поэта» не стоит.

Для нас, читателей, необычайно важно, что существуют эти удивительные строки, которыми хочется поделиться с любимым человеком, друзьями, и просто с незнакомыми людьми.

Всмотритесь в лицо одного и того же человека, изображённое на фотографиях, сделанных с промежутком в тридцать, или около того, лет. На первом снимке мы видим девятнадцатилетнего молодого человека,

ещё не подозревающего, что он станет одним из четырёх главных поэтов России первой половины XX века, и смотрящего в мир широко раскрытыми глазами.

В обычных жизненных обстоятельствах возраст 47 лет – это расцвет для мужчины, который ещё полон сил для предстоящих свершений.

Однако, на втором, предсмертном фото, сделанном в мае 1938 года, перед нами предстаёт глубоко уставший от гонений человек, смирившийся с обрушившимися на него несчастьями, но так и не осознающий до конца, что его ожидает.

Начало формы.

Конец формы.

Казалось бы, следует признать, что Мандельштам своим стихотворением «Мы живем, под собою не чуя страны» навсегда пригвоздил сталинскую нечисть к позорному столбу истории. Между тем, знакомясь с выступлениями современных «тонкошеих вождей», читая материалы и комментарии, публикуемые в Интернете, с горечью констатируешь, что сталинизм не только глубоко закопан в землю, а, напротив, поднимает голову.

Время стремительно убегает вперёд, твоё поколение уходит, но, пока живёшь, то с комком в горле повторяешь последние строки стихотворения замечательного русского поэта Арсения Тарковского:

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.
Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

P.S. Для особо дотошливых читателей сообщая, что впервые стихотворение Арсения Тарковского «Поэт» было напечатано в сборнике Арсений Тарковский. Стихи разных лет. Москва, "Современник" 1983. Увы, узнал об этом также с помощью «палочки-выручалочки», то есть Интернета.